

ТЕБЕ

Триумфально приходит весна,
Снится венчик черемухи русской.
Здесь такая стоит тишина,
Что назвать ее миром боюсь я.

Вырастаю как дерево в ряду.
Я не буду лишь пристально ждавшей,
Ты же знаешь, я тоже иду
В этом горьком апрелевском марше.

Знаю, смотришь и ты, но куда?
— Столько праведней, звонче и шире!
Там, где я не оставлю следа,
Твое имя затеплится в мире.

Прогорю для тебя я до тла.
Береста так надрывна и хрустка!
Может, кровь от того и светла,
Что сливается сербская с русской?!

Как люблю я две птицы бровей!
Нет, отдать свое сердце не поздно.
Для того, чтобы в этой траве
Загорелись и русские звезды.

АЛЕШЕ

Про кого тебе сказку, Алеша,
В эту ночь Рождества рассказать?
Младший сын в каждой сказке хороший,
Но его-то и любят ругать.

Наше скромное детское счастье
В своей песне сумел ты воспеть.
Ты не плачь — ну, хотя бы не часто,
Мы же выросли, нужно терпеть.

Мудрый царь говорил: «Все проходит», —
Но навек кипарис и миндаль!
Наше детство — смешной пароходик,
Навсегда уплывающий вдаль.

От того так неистово бьется
Твое сердце, без лат и брони.
Кипарисы, как амфоры с солнцем,
Ты всегда в своем сердце храни.

Да, сestroю была я неважной,
И не вправе тебе завещать...
Как прощенье, кораблик бумажный
Белый парус расправит опять...

ГОВОРИШЬ

Говоришь, что все останется,
Что от станции до станции
Мы терять и помнить учимся
Быть мудрее и созвучнее.
Говоришь, что память — вольница,
Добровольных мук пристанище.
Вот стоит в березках кладбище —
Крестonosная околица.
Перекладин старых трещины
Как дороги старцев длинные,
Наклонюсь к кресту, и синяя
Краска будет мне мерещиться.
Перекрашены и вымыты
И совсем уже не страшные...
Забирай меня, не спрашивай,
Черноземная да глиняная!

* * *

Считать стежки соломинок в стогах.
Деревья вдаль плывут на ветках-веслах,
И хлопоты с утра о пирогах
Мудрей и проще всех других ремесел.

Как ни зовут к полету журавли,
Мне не уйти от пыльного забора.
Седая птица, словно горсть земли,
Пьет горьких истин воду из извора.
Оправдан мой неспраздничный наряд,
Я в нем ликую, утру с хлебом рада,
Когда как дети саженцы глядят
Глазами спелых вишенок из сада.
Ты не жалея моих сегодня рук
И голоса, что в песне не струится,
Усталый голос — знак счастливой птицы.
Хлеб на столе — и мягок, и упруг.

ЛОСКУТКИ

Печка, бабушка в платочке,
Мама, тетя, я и ты.
Мы играем в лоскуточки,
Лоскуточки, лоскуты...

«Сохранила вам Аленка,
Будьте бережней чуток...».
Загадаю, чтоб зеленый
Мне достался лоскуток.

В комнате запахло хлебом,
Дым ерошится в трубе.
Вот тряпица — словно небо,
Синий лоскуток — тебе!..

Наши тряпочки-тряпицы,
Даже бархата чуть-чуть!
Как такой не поделиться?!
Как над ней не прослезиться
Нам потом, когда-нибудь?..

Память — как узор на ткани:
Мама, тетя, я и ты —
Да странички поминанья.
Лоскуточки, лоскуты...

* * *

Первый шаг мой и первый мой дом,
Было ль что-то до них — не скажу.
Полоса чернозема с песком
Проложила по жизни между.
Эта память мне счастьем и есть,
Ей же — болью и мукой мне быть.

— «Тяжело тебе, дитятка, несть?..»
Только с плеч тяжелее спустить.
Ты победная наша земля,
Сотня метров — подсолнух как щит...
По реке не прошло корабля,
Про запас не собрали рубля,
Только зяблик-бедняга трещит.
Почему ты назад не звала?
Почему не сказала: «Приди!»
Я ведь сына уже родила,
Приложив ненадолго к груди.
Здесь и пота следы, и тоски,
Здесь твои и хлеба, и трава.
Возле рек — золотые пески,
О тебе — золотые слова.

ВЫЖИТЬ БЫ

Выжить бы в век безумного святотатства,
слышишь ли наши молитвы, Отец Святой?
По двору май в инвалидной коляске катится,
в детской кроватке спит сиротой.
Разве не слышишь, мы все еще склонны к песням,
вдовьим, сиротским — копаясь в земле, поем.
Ты отхлестай прутом, дубиною тресни,
если забыли о Слове Твоем.
Не притворюсь я мученицей, не стану
волосы рвать на себе от немоготы,
с братом солдатиков на табуретке расставлю,
рукой недолюбленной сироты.
Только б обнять еще раз тот май руками,
песней остаться у баб на слуху...
Выжить бы — пылью под сапогами,
птицей, рассыпавшейся в труху.

РЯБИНА

Духмяная да дымная пора,
Так говорили с горечью — «судьбина».
На черных ветках пыжится рябина,
И листья выгребают со двора.
Сегодня, завтра — просто жить и жить,
Не думая, что может быть иначе.
Нет, я давно от горести не плачу,
Но прихожу к рябине погрустить.
Ах, рыжая! А все-то весела!
Да о тебе и песни — лишь унынье,
Но ты стоишь как прежде у окна,
Во век веков, осенняя святыня.

* * *

Привези мне яблок подмороженных,
Синих астр ветку засуши,
Чтобы этой веткой осторожно
До моей дотронуться души.
Отоспишься — созвонимся, спишемся,
Расспрошу, как встретили тебя,
Так же ль в Иноковке нашей дышится,
Много народилось ли ребят,
Тетя Тоня наша сердобольная
Наварила ль на зиму ликер;
Юбилейной встречей довольная,
Вытрясет натоптанный ковер...
Ух, октябрь! Когда теперь с ним встретимся?
В иноковской потопчусь грязи?..
Яблочных сушонок, что колечками,
Ветку астр синих — привези!

КЛЮКВА

Над болотами, где клюква,
Как кровавый шар земли,
Раскрывая молча клювы,
Пономарят журавли.
Ждать хорошей нужно ль вести?
Не пришла бы лишь беда.
Дряхлый клевер троеперстье
Приподнял им вслед едва.
Только клювы все краснее,
Страх и трепет — лишь сорви...
Может, это к сроку зреет
Чья-то совесть на крови.

* * *

Узнав соленые ветра,
Высоты гор, что все ж покорны,
Я говорю себе: «Пора
Достать запряженные зерна
И бросить в скудные пески,
Пусть напугают иноверцев,
Когда взойдут мои ростки,
Затронув все же чье-то сердце».
Учила, нет ли я слова,
Нарочно не запоминая?
...Лишь вздрогнет храма голова,
Сей головы не приклоняя.
Не преклоняясь! Неспроста
Ушел наш Дед, как в сорок первом,

И позолотою с креста
Его нас освещает вера.
Пусть ваши все еще пути
Петляют, словно в сказке плуты,
Нас есть теперь, кому вести
Сквозь все соблазны и маршруты.
Вот горсть земли и соль в горсти,
Ее возьму я троеперстем.
Меня сейчас перекрести.
А сына — вместе перекрестим.

* * *

Старая ограда,
Листья вместо плит...
В изголовье сада
Яблоня стоит.
С нею нас тревожит
Боль одних потерь.
Помнить осторожней
Стала я теперь.
Выпросила милость —
Память скрыла мгла.
Забывать училась
И теперь — смогла.
Будто по догадке
Я теперь бреду.
Если будет надо,
То под тенью сада
Умирать приду.

* * *

Ты печалишься много слишком,
Это время ли для кручин?
Вон какой подрастает мальчишка,
Невозможный красавец-сын!
Улыбаться бы чаще, скажут:
«Не тебе печаль замышлять...»
...Сын сложил самолет бумажный,
Хочет в небо его отпускать...
Не ко времени и не к месту
Бить в набатные колокола.
...Но соседка моя по подъезду
Тоже мальчика родила...

ДЕД

Герой в летах, в сединах бороды,
Идет по кромке вспененной воды,
В камнях свои прокладывая тропы.

Тут остановит берег, там — пейзаж.
У дедушки давно «пейзажный стаж»,
Да только чаще был пейзаж окопный.

Как будто в латах, в космах он седых,
И слава Богу, ходит на своих,
И все еще как будто на подхвате.
Проверку полигонами прошел,
И в легких воля дышит — хорошо!..
— Ах, что там? Пропуск? Маску? Справку? — Нате!

За маской седины не прячет дед,
Безропотно потертый документ
Протянет, как протянет ветку тополь.
Он отстоял когда-то Севастополь,
Да вот на пропуске о том печати нет.

Ну, нет так нет. Потрет карман тугой.
...И камешки под дедовой ногой
Хрустят, как внуки сахарным печеньем
Хрустели, и когда-то развлеченьем
Из дедовых карманов извлечение
Его казалось. «Деда, дорогой!..»

— Все слышится, как камешки с откоса...
И все еще как будто в жизни сносно,
И нет потребности жизнь сложить другой.